

Е.В. ТЮРЮКАНОВА, Л.И. ЛЕДЕНЕВА

ОРИЕНТАЦИИ ДЕТЕЙ МИГРАНТОВ НА ПОЛУЧЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

ТЮРЮКАНОВА Елена Владимировна - кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Института социально-экономических проблем народонаселения РАН. ЛЕДЕНЕВА Людмила Ивановна - кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра исследований и статистики науки Министерства образования и науки РФ и РАН.

В литературе по проблемам социологии образования [1], на наш взгляд, еще *недостаточно освещены особенности образовательных ориентации у детей мигрантов*, численность которых увеличивается: ежегодный миграционный прирост населения РФ за счет иммигрантов из стран СНГ и Балтии составляет в последние годы около 250 тыс. человек; количество иммигрантов в России превышает 5% ее населения [2]. В целом мигрантов можно характеризовать как одну из *социально проблемных групп населения*, для которой затруднен доступ к получению многих социальных услуг, в том числе, и образования. Уязвимость мигрантов и их детей является результатом действия многих факторов.

Во-первых, многие из них оказываются в другой этнокультурной и языковой среде. Первые волны постперестроечной иммиграции в Россию в начале 1990-х гг. носили в основном вынужденный характер и состояли преимущественно из этнических русских из бывших республик СССР. Но в этих потоках заметные по численности группы составляли турки-месхетинцы, армяне, азербайджанцы, грузины и др. Во второй половине 1990-х гг. в Россию потекли большие потоки экономических, в том числе, трудовых мигрантов, среди которых стали доминировать представители коренных народов стран СНГ. Дети таких мигрантов испытывают языковые и психологические трудности в процессе школьного обучения, понижающие затем доступность высшего образования.

Во-вторых, иммигранты оторваны от привычного социального окружения — знакомых, друзей, родных. Они не имеют в стране въезда социальных связей, играющих большую роль в адаптации, в решении актуальных проблем и удовлетворении жизненных потребностей, включая потребность в получении образования. Роль таких неформальных социальных связей особенно велика в постсоветском транзитивном социуме, где они часто заменяют несовершенные законы, государственные институты и неразвитое гражданское общество.

В-третьих, социальный статус многих иммигрантов резко понижен по сравнению с тем, который они имели в своих странах. На российском рынке труда иммигранты занимают в основном низко квалифицированные рабочие места, на которые не претендует местное население. Зачастую бывшие городские семьи, на протяжении нескольких поколений занимавшиеся интеллектуальным трудом, вынуждены селиться в российских селах и "переквалифицироваться" на ручной сельскохозяйственный труд. Это также является серьезным фактором дезадаптации.

В-четвертых, осуществляемая в России и отдельных ее регионах миграционная и социальная политика, существующее жилищное законодательство ставят мигрантов в весьма уязвимое положение. Им трудно, а часто и невозможно, получить регистрацию и легализовать свое присутствие на территории России. В результате иммигранты в массовом порядке вытесняются в теневые сферы в плане занятости, жилищного обустройства и др.; они оказываются лишенными социальной защиты, а для их детей становится затрудненным доступ к бесплатному школьному и послешкольному образованию.

И, наконец, в-пятых, стремительная трансформация миграционной ситуации, заметное изменение этнического состава населения в ряде регионов и городов России в результате масштабной иммиграции вызвали рост антимигрантских настроений в обществе, прежде всего в местах наибольшего притока мигрантов. Последние часто оказываются в ситуации социальной изоляции, социального отторжения, И это отношение к мигрантам транслируется в учеб-

ные заведения, затрагивая детей мигрантов, что не может не отражаться на процессе их школьного обучения и на их установках в отношении высшего образования.

Наш интерес к избранной теме обусловлен и тем, что до настоящего времени масштабного изучения учебно-образовательных аспектов адаптации мигрантов, в том числе, интеграции детей в российскую систему образования на всех его ступенях, не осуществлялось. Отдельные исследования проводились на уровне регионов. Так, например, в 1996-2001 гг. изучалось положение детей вынужденных мигрантов в образовательных учреждениях Ставропольского края [3]. Авторы утверждают, и это надо поставить им в заслугу, что дети представляют собой особо уязвимую часть мигрантов. Обследование показало, что среди проблем, отрицательно влияющих на обучение, особую обеспокоенность вызывают проблемы низкого материального уровня и жилищно-бытовой неустроенности семей школьников. Выявились специфические проблемы обучения детей-мигрантов: значительный перерыв в занятиях, слабое знание русского языка, несоответствие требованиям в школах, как следствие - низкая успеваемость. Огромную тревогу вызывают проблемы морально-психологического характера; многим прибывшим детям присуще чувство подавленности, испуга, психической неуравновешенности. Общее мнение педагогов сводилось к тому, что исследуемая категория детей требует специфически! мер в ходе их обучения, например, коррекции знаний учащихся, прибывших из других стран, диагностики готовности детей к различным ступеням образования, изучения и учета особенностей культуры детей. Необходима соответствующая подготовка учителей и обеспечение их необходимыми методическими материалами.

Серьезное обсуждение психологических последствий для ребенка стрессового характера миграций состоялось на научной конференции "Социализация детей российских мигрантов", проходившей в апреле 2001 г. в Государственной Думе РФ, где проблемы детей мигрантов рассматривалась также с этнической точки зрения [4]. В целом практически единственным источником информации о них являются выборочные полевые социологические исследования.

Данная статья базируется на материалах нашего исследования, проведенного в 2003 г.¹ В ходе изучения проблематики решались следующие задачи; проанализировать условия получения детьми иммигрантов школьного образования; выявить их ориентации на получение высшего образования, а также оценить потенциал поступления в вузы; определить основные факторы, препятствующие реализации установок на получение высшего образования у молодых иммигрантов: экономические, социальные, этнические, культурно-психологические, территориальные, институциональные. Исследование проводилось в трех регионах России - Московской и Смоленской областях, Ставропольском крае. Москва представляет крупный центр притяжения мигрантов; Смоленская область - регион с относительно спокойной миграционной ситуацией и отношением к мигрантам со стороны властей; Ставрополье - регион с неблагоприятной миграционной обстановкой и ярко выраженными антимигрантскими настроениями. В исследовании участвовали мигранты (приехавшие в Россию после 1990 г. и, как правило, прожившие в России не менее 3-х лет), включая как вынужденных переселенцев и беженцев, так и трудовых мигрантов из стран СНГ.

Целевыми группами или объектами исследования являлись: 1) мигранты-учащиеся 11-х классов; 2) родители мигрантов-выпускников школ. Анкета распространялась как парная²: вопросник для ученика и вкладыш „ля его родителей, который заполнялся любым из родителей или заменяющих их родственников. Опрос проводился в школах. Общий объем опрошенной совокупности - 411 учеников и 330 родителей. В числе вернувшихся анкет родителей не сколько меньше. Выборочная совокупность носила целевой характер и не претендует на строгую репрезентативность в отношении генеральной совокупности, в качестве которой выступают все учащиеся-мигранты - выпускники 11-х классов, их родители. Требование репрезентативности затрудняется тем, что характеристики генеральной совокупности нам неизвестны. Однако численный состав опрошенной совокупности достаточен для того, чтобы сделать качественные выводы и дать количественные оценки основных требуемых параметров.

В ходе обследования нас интересовали "образовательные" причины переезда семей мигрантов в РФ. Оказалось что они занимают одно из ведущих мест в спектре мотиваций переезда.

¹ Исследование выполнено в рамках проекта Независимого Института Социальной Политики "Анализ Доступности высшего образования для социально уязвимых групп" при поддержке Фонда Форда.

При этом выделяется два основных фактора: качество образования и языковой фактор, последний является более значимым. От 13% мигрантов в Ставрополье до 38% в столичном регионе отметили желание дать детям образование на русском языке в качестве одного из мотивов переезда в Россию. Невозможность дать детям качественное образование в стране выезда отменила несколько меньшая доля опрошенных - в среднем 13%. Стрессовость миграции накладывает отпечаток на весь процесс адаптации и интеграции молодого поколения мигрантов. В отдельных случаях дети мигрантов нуждаются в интенсивной психологической и психотерапевтической реабилитации, специально направленной на адаптацию к школьному процессу и возможность продолжить образование в вузе. Общая тенденция заключается в том, что чем более стрессовая миграция, тем хуже адаптивные способности детей мигрантов к российской сфере образования.

Центральная задача исследования состояла в изучении ориентаций молодых мигрантов на получение высшего образования. В современной России спад интереса к высшему образованию, имевший место в первой половине 1990-х гг., преодолен [5, с. 48,174,179].

Проведенное нами обследование не выявило существенных отличий мигрантов по общим ориентациям на поступление в вуз: для них также характерны высокие установки. В среднем 91,5% респондентов-выпускников 11 класса из числа мигрантов хотели бы получить высшее образование, и 94,2% респондентов-родителей хотели бы дать своему ребенку высшее образование. Причем в Ставрополе и в Смоленске ориентации на высшее образование несколько выше, что объясняется большей долей по сравнению со средним уровнем (до трети всех родителей) в выборках этих регионов вынужденных мигрантов из числа интеллигенции, отличающихся высокими образовательными установками. В Москве же состав мигрантов более разнообразный, больше доля трудовых мигрантов, в том числе, из малых городов и сел, установки которых на высшее образование несколько ниже, но все же не опускаются ниже 80%.

Среди причины отказа от получения высшего образования указывается нежелание продолжать учиться после школы, недостаточность знаний и сложность вступительных экзаменов, но около половины жалуется на недостаток средств на подготовку и обучение в вузе, а также на необходимость идти работать, чтобы зарабатывать на жизнь.

Общий потенциал получения высшего образования составляет 65%, то есть примерно двое из трех выпускников из числа мигрантов намерены поступать в вуз после 11 класса школы (20% намерены идти в техникум или колледж, 4% хотят начать работать, 2% собираются идти в армию, 9% затруднились в ответе). Этот показатель отличается от идеальной установки на 27 процентных пунктов. По сравнению с имеющимися средними оценками для российских выпускников эти данные примерно на 12 процентных пунктов ниже [5, с. 13]. Примечательно, что потенциальные установки не сильно варьируют по регионам: в Московской области потенциал поступления детей мигрантов в вуз после 11 класса составляет 63%, в Ставрополье - 65%, в Смоленской области - 67%.

Однако внутри областей наблюдается значительная дифференциация потенциальных установок мигрантов в зависимости от места их проживания. Как правило, в крупном городе потенциал поступления в вуз значительно выше (в среднем на 14 процентных пунктов, в смоленском регионе - 24 пункта). Так, в селах и малых городах Смоленской области примерно половина выпускников-мигрантов отказываются от попытки поступления в вуз непосредственно после окончания школы, ставя себя в позицию аутсайдеров. Однако московский регион является исключением из этого правила, что, вероятно, как уже ранее было отмечено, вызвано более разнообразным составом мигрантов в столице. Поэтому в Подмосковье потенциальные установки на получение высшего образования выше, чем в Москве, на 17%.

Реалии жизни явно накладывают ограничения на возможность практической реализации идеальных и потенциальных установок на получение высшего образования. И родители, и ученики это хорошо понимают: их средние оценки реальных шансов на поступление в вуз близки - 68%-69%. О 90-100%-ных шансах говорят около четверти опрошенных выпускников и их родителей. Если приведенные самооценки потенциальных абитуриентов объективны, то в вуз, во всяком случае, на дневное отделение, поступят лишь две трети из них. Учитывая, что доля потенциальных абитуриентов в общей совокупности выпускников-мигрантов составляет примерно 65%, в вузе окажется 40-45% от всех выпускников. Более половины из них либо не будут пробовать поступать, либо не поступят.

Анализ показал, что мигранты-школьники ориентируются на получение высшего образования именно в России: лишь в 5 случаях (2%) из всех опрошенных планируют получить выс-

шее образование за границей (в Европе или Америке) и в 2 случаях - в стране выхода. Чаще всего планируется поступление в вузы своего же региона: так поступить предполагают 81% респондентов. В вузы столицы планируют поступать 7% абитуриентов из регионов, и еще 5% поедут поступать в другие города России (4% не указали места). Следовательно, учебную миграцию в сумме планируют 15% потенциальных абитуриентов. Такой уровень учебной мобильности можно в целом оценить как невысокий (по сравнению, например, с западным). Модель "привязанности к месту", характерная для всего населения России и ограничивающая возможности социальной адаптации и мобильности, присуща также и образовательным стратегиям мигрантов. Вместе с тем, миграция в целях образования - один из наиболее прогрессивных и выгодных для страны видов миграционного притока с точки зрения качества трудовых ресурсов, интеграции и вклада мигрантов в экономику.

Более детальный анализ мотивации детей мигрантов на получение высшего образования позволяет оценить распространенность различных моделей поведения представителей целевой группы на образовательном рынке. Еще раз подтверждается, что престиж высшего образования очень высок и среди детей, и среди родителей как в целом по обследованной совокупности мигрантов, так и в каждом отдельном регионе. Респондентам очевидна связь высшего образования с будущим благосостоянием. Нарушавшаяся в начале перестройки естественная зависимость потенциальных размеров оплаты труда и широты экономических возможностей от инвестиций в образование восстанавливается, и те, перед кем стоит выбор получать или не получать высшее образование, ощущают это лучше всех, что и отразилось в ответах на вопросы анкеты. Лишь небольшое число опрошенных считают, что высшее образование не способно принести материальную обеспеченность, или наоборот, что процветание может быть легко достигнуто без образования.

Единодушное согласие вызвал также тезис о том, что возможность получить высшее образование прямо зависит от *благосостояния родителей*: так считают почти 80% родителей и около 70% учеников. При этом речь шла не о качественном или престижном образовании, а о доступе к высшему образованию, как таковому. Материальный фактор существует также в форме обеспечения ребенка в период учебы в вузе. Каждый четвертый ученик и каждый третий родитель считают, что обучение в вузе означает 5 лет зависимости от родителей. Очевидно, что требуют отработки институциональные механизмы, позволяющие студентам вузов обеспечить себя в период учебы, что должно снизить зависимость от родителей. В целом материальный фактор реально является препятствием в получении высшего образования как минимум для 30-40% мигрантов. Это может проявляться в разных формах: в невозможности внести плату за прием в хорошую школу, откуда поступление в вуз более вероятно; в невозможности оплатить репетиторов и другие формы подготовки в вуз; в невозможности заплатить за обучение в платном вузе; в необходимости зарабатывать на жизнь - фактор невозможности "отложенного" заработка. Констатация недоступности качественного и полноценного образования чаще исходит от родителей, чем от самих учеников: в целом 44% учеников-мигрантов и почти 60% их родителей указали на это обстоятельство.

Мигрантам на пути к высшему образованию приходится преодолевать помимо общих трудностей еще и специфическое структурное давление со стороны государства, направленное на то, чтобы удержать мигрантов в пределах "отведенной им" экономической ниши. Тот факт, что экономика "зарезервировала" за мигрантами в основном неквалифицированные и низкооплачиваемые рабочие места, не требующие высшего образования, негативно влияет на ориентацию детей мигрантов на получение высшего образования.

В целях углубленного анализа факторов, оказывающих влияние на образовательные стратегии и поведение мигрантов-выпускников средней школы, были выделены две основные группы детей: 1) планирующие непосредственно после окончания средней школы поступать в вуз; 2) не планирующие этого. Существенные различия в социально-демографических, экономических и других характеристиках этих двух групп детей и родителей позволили выявить *основные факторы, детерминирующие формирование ориентации у детей мигрантов на получение высшего образования*. Рассмотрим эти факторы.

Пол. В целом среди опрошенных 11-классников преобладают девушки - отсеиваются мальчики происходит еще при переходе из 9 в 10 класс. Еще выше доля девушек в потоке выпускников, планирующих поступление в вуз, - 59%. Намерены поступать в вуз 72% опрошенных девушек и лишь 61% ребят.

Этнической принадлежности. 57% опрошенных детей мигрантов относят себя к русской национальности и, вероятно, принадлежат к первым волнам постсоветской эмиграции из бывших республик СССР. Другие славянские национальности составляют еще около 6% (украинцы, белорусы). Доля мигрантов неславянских национальностей (в основном армяне, грузины и азербайджанцы) составила в нашей выборке немногим более 30%. Потенциал поступления в вуз (доля имеющих намерение поступать в вуз после окончания 11 класса школы): среди русских - 72%, белорусов - 88%, грузин - 50%, армян - 58%. Что касается стран выхода мигрантов, то наблюдается похожая тенденция: наибольший потенциал поступления в вуз характерен для выходцев из Прибалтики и Белоруссии, а минимальный - из Армении и Грузии.

Владение русским языком. Этот фактор оказывает сильное влияние на доступность российского высшего образования для мигрантов. Для 52% школьников, попавших в нашу выборку, русский - родной язык, еще 18% владеют русским свободно. Хотя плохо владеющих русским среди мигрантов из СНГ немного, все же 30% респондентов не считают свое владение языком свободным. Среди тех, для кого русский - родной язык, потенциал поступления в вузы составляет 73%, а среди тех, кто не свободно владеет этим языком, - примерно 50%. Недостаточное знание русского языка, таким образом, является фактором, снижающим доступность высшего образования. Этот фактор, порождающий неравенство возможностей получения высшего образования, система среднего общего образования в принципе могла бы ликвидировать с помощью организации специальных языковых курсов для мигрантов, в частности для выпускников школ. Такие курсы могут организовываться либо при специально выбранной для этого школе, либо при администрации района. Языковые программы для потенциальных абитуриентов могут также включаться в общие ориентационные программы для мигрантов, которые реализуются на сегодняшний день скорее как исключение, чем как норма.

Длительность пребывания в РФ. 62% семей опрошенных мигрантов приехали в Россию в период с 1992 по 1996 гг. Начиная с 1997 г. поток вынужденных мигрантов в Россию сокращается, и в период с 1997 по 2002 гг. прибыло 34% респондентов. Наибольшим потенциалом поступления в вуз обладают мигранты, приехавшие в 1994-1997 гг. У тех, кто приехал позже и раньше - он заметно ниже. Это говорит о более сложной зависимости между длительностью пребывания мигрантов и их интеграцией, чем линейная функция. Сюда вмешиваются и характер иммиграции (до 1994 г. была больше доля стрессовых миграций), и условия приема, и отношение властей к мигрантам, и политические факторы, и пр. Однако тот факт, что потенциал поступления в вуз *недавно прибывших мигрантов значительно понижен*, очевиден и говорит о том, что дети недавно прибывших мигрантов, если они являются выпускниками школ, нуждаются в специальных ориентационных программах, помогающих разобраться в российской системе высшего образования.

Тип населенного пункта. На формирование установки на получение высшего образования сильное влияние оказывает характер населенного пункта, в котором проживал ребенок, как в момент выезда с прежнего места жительства, так и в настоящее время. До переезда в Россию более 60% опрошенных семей жили в крупных городах и столицах республик, 26% - в малых городах, и только чуть более 8% - в селах. Значения показателей потенциального поступления в вуз убывают прямо пропорционально размеру и статусу населенного пункта в стране выезда: от 72% у столичных жителей - до 52% у сельских. Что касается настоящего места жительства в России, то в городской местности трех обследованных регионов проживает около 60% опрошенных, их потенциал получения высшего образования составляет 75%, Потенциал получения высшего образования проживающих в сельской местности *значительно ниже* — 57%.

Наличие паспорта и правового статуса. Обследование показало, что не все дети мигрантов в момент окончания школы, то есть в 16-18 лет, имеют паспорт: он отсутствует почти у 15% респондентов. Что стоит за этим: беспечность или нарушение гражданских прав молодого человека? Скорее - второе. У 75% респондентов имеются паспорта РФ, у остальных 10% - паспорта стран СНГ и Балтии (Белоруссии, Украины, Армении, Казахстана, Грузии, Молдавии, Туркмении, Киргизии, Литвы и других стран). Отсутствие основного документа, удостоверяющего личность, снижает возможность доступа к высшему образованию: планируют поступать в вуз 70% учеников, имеющих паспорт, и только 50% детей, не имеющих его. При этом национальная принадлежность паспорта заметного влияния на планы поступления в вуз не оказывает.

Тип семьи. Более трех четвертей (77%) детей мигрантов проживают в полных семьях, 21% - в неполных, и 3 ребенка не имеют родителей. Как и следовало ожидать, дети из полных семей

демонстрируют несколько большую готовность к поступлению в вуз - 70%, чем в неполных -67%, хотя разница невелика. Разница в ориентации на высшее образование заметна в зависимости от наличия в семье выпускника братьев/сестер школьного возраста: очевидно, что материального ресурса семьи не хватает на всех детей. Так, в семьях с одним ребенком школьного возраста будут поступать в вуз 76% респондентов-учащихся, а в семьях с двумя - 60%, в семьях с тремя-четырьмя детьми школьного возраста - лишь один из шести таких респондентов (16,6%). Эти данные говорят о том, насколько необходимы программы *поддержки многодетных семей мигрантов*. Одним из целевых направлений такой поддержки должно быть выравнивание материальных возможностей для получения качественного высшего образования.

Образовательный и социальный ресурс семьи. Образовательный ресурс семей респондентов довольно высок: у 32% учащихся отцы имеют высшее образование, включая 1,3%, чьи отцы имеют ученую степень/окончили аспирантуру, соответствующие показатели по матерям составляют 28,7% и 0,7%. Высокий уровень образования родителей обеспечивает и весьма высокую установку выпускников школ на поступление в вуз. Все дети из семей, где родители имеют ученую степень или окончили аспирантуру, планируют поступление в вуз; у отцов с высшим образованием 84% детей будут поступать в вуз, в группе отцов со средним специальным образованием - 60%, со средним общим - 54%.

Однако для значительного числа мигрантов (не менее трети, по нашим данным) характерен *разрыв между образовательным и социальным статусом, образовавшийся в результате миграции*. Если образовательный ресурс семьи после миграции сохранился, то социальный зачастую оказался разрушенным. Это оказывает негативное влияние на способность родителей дать детям высшее образование. Специфика ситуации, в которой находятся мигранты после переезда в Россию, хорошо проявляется при сравнении с прежней ситуацией в регионах выхода. Так, по данным опроса, у 33% обследованных семей социальный статус не изменился, по сравнению с тем, какой он был до переезда в Россию; 28% оценили его как более высокий, то есть переезд вызвал восходящую социальную мобильность; остальные же почувствовали ухудшение своего социального статуса в результате переезда в РФ. Снижение социального статуса самым непосредственным образом коснулось положения детей в этих семьях. Если в первых двух группах доля потенциальных абитуриентов превышает средний уровень или примерно равна ему, то есть составляет соответственно 70,5% и 66,6%, то в группе семей, утративших или понизивших свой социальный статус, планируют поступление в вуз лишь 55,8% выпускников-респондентов.

Материальное положение. У большинства семей мигрантов оно находится на среднем уровне, но без малого треть семей живет плохо, при этом оценки материального состояния, сделанные детьми, несколько выше, чем родителями, которые, вероятно, оценивают ситуацию более реалистично. *Чем лучше материальное благосостояние семьи, тем более доступно высшее образование детям:* в вуз будут поступать 81% детей из семей с хорошим достатком, 66% - из семей со средним и лишь 49% - из семей, оценивающих свое положение как плохое или бедственное. Потенциал получения высшего образования максимален (79%) в той группе, которая отметила хорошие условия питания, и минимален (45%) у тех, кто питается плохо и вынужден экономить на продуктах питания. Такая же зависимость существует и между качеством жилья и потенциалом поступления в вуз: разброс составляет от 75% у тех, кто оценивает свои жилищные условия как хорошие, до 57% у тех, кто оценивает их как плохие.

Факторы, связанные с качеством среднего образования. Разница образовательных программ в местах выезда и поселения в РФ является довольно существенным фактором, создающим проблемы с обучением, - на него указали 25% учащихся-мигрантов. На трудности учебы из-за недостаточного знания языка указали 7% школьников. В целом наличие проблем в школе значительно снижает потенциал поступления: для тех, у кого есть проблемы с обучением в школе, он составляет 60%, в то время как среди не имеющих таких проблем он значительно выше - 70%.

Отношение местного населения. Обследование не выявило существенных масштабов *мигрантофобии* в России: 69% родителей-респондентов сказали, что местное население относится к ним хорошо, и 26% - что нейтрально; враждебное отношение ощущали лишь 5 семей. 83% родителей уверены, что их дети не испытывают никаких притеснений в России, и только 5% указали на существование таких притеснений. Естественно, чем лучше относятся местные люди к приезжим, тем удачнее проходит адаптация мигрантов, в частности интеграция их детей в российскую образовательную систему. Так, показатели потенциального поступления детей

мигрантов в вуз в случае доброжелательного местного окружения составляют 70%, в случае нейтрального - лишь 58%. Особенно важно для детей мигрантов получать *поддержку школьных учителей*. Среди тех, кому учителя помогают в решении проблем (а таких детей 28,7%), потенциал получения высшего образования выше, чем у тех, кто такой помощи не ощущает. Лишь в двух семьях сказали, что учителя относятся к их детям хуже, чем к другим.

Стратегии поведения на рынке образовательных услуг. Абсолютное большинство наших респондентов-потенциальных абитуриентов (86%) собираются поступать в *государственные* вузы. При этом 20% абитуриентов может позволить себе только бесплатное обучение, 14% мигрантов сразу настроены на платное обучение. Остальные придерживаются гибкой тактики, то есть будут поступать на бесплатное и только в случае неудачи - на платное отделение вуза.

Дети мигрантов в двух группах, определяемых в зависимости от планов поступления в вуз, отличаются по своим представлениям о *критериях успеха в жизни*. Три самых важных критерия достижения успеха *в первой группе* (потенциальных абитуриентов) - это иметь хорошую профессию (указали 72% учеников), создать крепкую семью, воспитать детей (69%) и получить высшее образование (66%). Три самых важных критерия достижения успеха *во второй группе* (не планирующих поступление в вуз) - создать крепкую семью, воспитать детей (68%), получить хорошую профессию (53%) и практически на третьем месте сразу три критерия - получить высшее образование, сделать карьеру и заработать много денег (по 40-42%). Даже ученики, не собирающиеся поступать в вуз сразу после окончания школы, отмечают наличие высшего образования в качестве очень важного условия достижения успеха в жизни. Таково же и мнение их родителей. Таким образом, довольно существенная группа мигрантов связывает успех в жизни с получением высшего образования, однако объективно они оказываются не в состоянии получить его или обеспечить его своим детям.

Подводя итоги исследования, можно сказать, что престиж высшего образования *высок* как в целом по обследованной совокупности мигрантов, так и в каждом отдельном регионе. Вместе с тем, в целом *семьи мигрантов* отличаются ограниченными адаптационными ресурсами: как материальными, так и информационно-коммуникативными и социальными. Они вырваны из привычного жизненного контекста, ограничены в доступе к социальным услугам и культурным ценностям, в том числе, к образованию. Социальные связи разорваны и в большинстве случаев пока не восстановлены, а новые не построены. С одной стороны, это оказывает *негативное влияние* на получение полноценного образования, включая высшее. С другой стороны, в этих условиях образование превращается в ресурс особой важности для дальнейшей успешной адаптации (хотя бы во втором поколении). Если в современной России декларируется линия на рост населения (вернее, возмещение его естественной убыли) за счет мигрантов, то это должно найти отражение в социальной политике, включая политику в области образования, направленную на повышение качества человеческих ресурсов (рост человеческого капитала, в том числе и мигрантов). Успешной *интеграции* мигрантов в российское общество, превращению их в органичную часть населения России будет, в частности, способствовать реализация образовательных ориентаций их детей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Социология образования перед новыми проблемами. Москва-Омск, 2003; Образование и наука в процессе реформ; Социологический анализ / Ред.-сост. Д.Л. Константиновский, Л.П. Вережкин. М.: ЦСП, 2003; *Силласте Г.Г.* Влияние СМИ на жизненные планы сельской учащейся молодежи // Социол. исслед. 2004. № 12.
2. Численность и миграция населения в Российской Федерации в 2002 г. Госкомстат России, М., 2003, С 138.
3. *Жогин Б.Г., Маслова Т.Ф., Шаповалов В.К.* Интеграция вынужденных мигрантов в местное сообщество: опыт практической и исследовательской деятельности. Ставрополь, 2002. С. 431.
4. *Тарасова В.П.* О деятельности Совета переселенческих объединений при Председателе Государственной Думы по защите прав российских соотечественников, вынужденно возвратившихся на постоянное место жительства в Россию // Тезисы конференции "Миграционная ситуация и миграционная политика в Центральной России". Смоленск, 11-12 сентября 2001 г. С. 157-164.
5. Проблемы доступности высшего образования / Отв. ред. С. Шишкин. М.: Сигнал, 2003,